

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия
Догматические исследования

Беликов В.

УЧЕНИЕ БЛАЖ. АВГУСТИНА О ТАИНСТВАХ ЦЕРКОВНЫХ

Вера и разум, 1909, № 11-12, с. 687-716

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Ученіе Вл. Августина о таинствахъ церковныхъ.

Слово «таинство» ¹⁾ въ настоящее время уже окончательно опредѣлилось въ церковномъ употребленіи. Какъ въ Восточной православной, такъ и въ Западной католической Церкви съ словомъ этимъ соединяется уже опредѣленное понятіе; имено, таинствами «называются теперь семь извѣстныхъ церковныхъ священнодѣйствій, въ которыхъ подъ видимымъ образомъ сообщается душѣ вѣрующаго невидимая благодать Божія».—Но такое точное значеніе за терминомъ «таинство» установилось не сразу въ церковномъ сознаніи всѣхъ вѣрующихъ. Какъ и формулировка многихъ другихъ христіанскихъ догматовъ, строгое внѣшнее опредѣленіе таинства сложилось только постепенно въ церкви. До этого же окончательнаго опредѣленія таинства, хотя ученіе о немъ, какъ богоустановленномъ средствѣ сообщенія благодати, и существовало въ объединенной мысли всего церковнаго общества, самый терминъ, этого понятія, какъ и многіе другіе христіанскіе догматическіе термины до окончательныхъ ихъ церковныхъ опредѣленій, имѣлъ часто неточное и неустойчивое значеніе въ употребленіи церковныхъ писателей. И особенно эта неустойчивость въ значеніи слова «таинство» издавна обнаруживалась въ сочиненіяхъ западно-латинской святоотеческой литературы. Если мы раскроемъ любого отца и церковнаго писателя Запада, то найдемъ, что понятіе «таинства» они употребляли, повидимому, въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ. Этимъ словомъ они обозначали и крещеніе и причащеніе и другія изъ седмичнаго числа таинствъ церковныхъ: но имъ же они нерѣдко называли и простыя христіанскія омовенія ногъ, освященіе воды, посвященіе монаховъ и прочіе христіанскіе обряды ²⁾. Иногда же терминъ «таинство» прилагали они и къ такимъ предметамъ,

1) *μυστήριον*, Sacramentum.

2) Цѣлѣты см. ниже.

которые прямо, повидимому, не имѣютъ ничего общаго съ христіанскими таинствами. Такъ, сплошь и рядомъ, у нихъ можно встрѣтить это названіе въ приложеніи къ нѣкоторымъ христіанскимъ догматамъ вѣры, къ ученію вѣры вообще, къ тайнамъ религіи христіанской, къ религіи христіанской во всей ея цѣлости, и даже къ религіямъ ветхозавѣтной и языческимъ ¹⁾. Почему такая неточность, всегда такъ сильно смущавшая протестантовъ, вкралась именно въ западную литературу, и почему понятіе таинства получило тамъ такой широкой объемъ, объясняется особенностями самой исторіей термина «*Sacramentum*»,— особенностями его первоначальнаго значенія и послѣдующаго развитія въ Западной христіанской Церкви. Такъ какъ эта исторія отразилась и на сакраментальномъ богословіи Августина, то мы и воспроизведемъ ее въ краткости.

До своего употребленія въ святоотеческой литературѣ слово «*Sacramentum*» встрѣчалось въ языческой классической древности. Тамъ оно совсѣмъ не имѣло того мистеріальнаго смысла, какой утвердился за нимъ впоследствии. У римскихъ писателей это слово употреблялось преимущественно въ значеніи вещи или залога въ вѣрности исполненія какого-либо обѣщанія ²⁾. Въ этомъ, языческомъ, смыслѣ слово *Sacramentum* введено было и въ христіанскую терминологию. Такъ нужно полагать на основаніи того, что первый, употребившій это слово,—Тертуллианъ—прилагаетъ его главнымъ образомъ къ тому исповѣданію вѣры и отрицанію отъ сатаны, которое требовалось отъ каждаго вновь поступающаго въ Церковь. Причина, по которой Тертуллианъ назвалъ это исповѣданіе *Sacramentum*, была, по всей вѣроятности, именно та, что вышнее произнесеніе этого исповѣданія напоминало ему произнесеніе языческой присяги, особенно военной. Такимъ образомъ, и въ христіанской терминологіи при первоначальномъ употребленіи слова *Sacramentum* не имѣло того мистеріальнаго значенія, какое установилось за нимъ впоследствии. Это обстоятельство и внесло, собственно, первую путаницу въ дальнѣйшемъ употребленіи термина «таинство». Не

¹⁾ Въ частности, это слово означало у нихъ: 1) деньги, которыя вкладывали въ храмъ стороны, ведущіе процессъ; 2) всякую вещь, которую посвящали богамъ въ знакъ исполненія какого-либо обѣта; 3) присягу вообще, какъ видимый залогъ или свидѣтельство вѣрности исполн. обѣщанія; 4) присягу, которую приносилъ солдатъ въ вѣрности военной службѣ.

²⁾ Цитаты см. ниже.

имѣя за собой первоначально мистериальнаго смысла, слово *Sacramentum* въ этомъ направленіи получило и первое развитие своего содержанія. Примѣненное сначала къ внѣшней формѣ исповѣданія оно стало прилагаться вскорѣ и къ самому содержанию этого исповѣданія. Такъ, уже у самаго Тертулліана, мы видимъ, оно было усвоено и самому символу вѣры, который приносился предъ принятіемъ крещенія ¹⁾. Другіе отцы расширили еще болѣе его значеніе. Мало по малу и пришли къ тому, что терминъ *Sacramentum* стали прилагать и къ отдѣльнымъ догматамъ, исповѣдуемымъ въ символѣ, какъ то: воплощенію, воскресенію, вознесенію Господа Иисуса Христа, къ божественнымъ планамъ спасенія вообще, къ христіанской религіи во всей ея цѣлости, религіи вообще, ветхозавѣтной и языческой—въ частности.

Но съ другой стороны, такъ какъ за исповѣданіемъ вѣры обыкновенно неразлучно слѣдовало крещеніе, то и названіе *Sacramentum* стали усвоить и самому акту крещенія. Здѣсь-то оно впервые, собственно, встрѣтилось съ извѣстнымъ уже греческимъ терминомъ таинства: *μυστήριον*. Усвоивъ себѣ значеніе послѣдняго, оно, естественно, перешло прежде всего на тѣ священнодѣйствія, которыя и теперь по преимуществу извѣстны подъ названіемъ «таинствъ» (*μυστήριον*). Но какъ *μυστήριον* на Востокѣ обозначало собою не только семь извѣстныхъ таинствъ, но и многіе христіанскіе обряды, такъ и понятіе *Sacramentum* не остановилось на семи главныхъ таинственныхъ священнодѣйствіяхъ, но расширилось дальше. Такъ, *Sacramenta* ми мало по малу стали обозначаться у отцовъ безразлично, какъ крещеніе, причащеніе и пр., такъ и разныя омовенія, освященіе оглашенныхъ, посвященіе монаховъ, миропомазаніе царей, принятіе исповѣдниковъ и пр. ²⁾.

Но и здѣсь примѣненіе этого термина не удержалось въ предѣлахъ только христіанскихъ обрядовъ; постепенно оно выступило значительно далѣе. Такъ къ *Sacramenta* мь причислялись иногда у западныхъ писателей: ветхозавѣтные прообразы, христіанскіе символы и даже образцовые культы языческихъ религіи ³⁾.

Вся эта спутанная и неопредѣленная исторія термина «*Sacra-*

¹⁾ Tert. adv. Iud. c. 10; adv. Marc. II, 27.

²⁾ см. Hahn. Die Lehre von d. Sacramenten. стр. 8.

³⁾ Tert. adv. Val. c. 30.

mentum», естественно, отразилась и на богостовіи Августина. Подобно своимъ предшественникамъ и современникамъ Августинъ не далъ точного опредѣленія объема этого понятія. Такъ же, какъ и у другихъ отцовъ, у Августина слово «Sacramentum» употребляется въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ. Этимъ именемъ онъ обозначаетъ и 7 таинствъ въ нашемъ смыслѣ этого слова ¹⁾, и многіе христіанскіе обряды ²⁾, а также священные вещи (напр., священные сосуды) ³⁾. Иногда христіанскіе символы ⁴⁾, прообразы ⁵⁾, христіанскіе ветхозавѣтные и даже языческіе праздники ⁶⁾, христіанское ученіе вѣры вообще ⁷⁾ и, наконецъ, всякіе предметы, имѣющіе какую либо таинственную сущность и значеніе ⁸⁾.

Но отдавая дань своему времени въ неточномъ употребленіи термина Sacramentum со стороны его объема, Августинъ первый изъ западныхъ писателей сдѣлалъ попытку опредѣлить его со стороны содержанія. Онъ первый ясно выдвинулъ ту существенную сторону таинства, по которой оно есть прежде всего видимое священное дѣйствіе, видимый знакъ сообщенія невидимой благодати. Мѣстъ, въ которыхъ Августинъ опредѣляетъ таинство съ этой стороны, очень много. При этомъ въ однихъ изъ нихъ онъ опредѣляетъ его какъ знакъ «видимый» или «тѣлесный» (*visibile vel corporeale*) ⁹⁾, въ другихъ.—какъ знакъ «священный» (*Signum Sacrum*) ¹⁰⁾ или «мистериальный» (*signaculum mysteriorum*) ¹¹⁾, въ третьихъ.—какъ «слова видимыя» (*verba visible*) ¹²⁾, иногда.—какъ знакъ, который относится къ божественнымъ вещамъ (*signaculum, quod ad res divinas pertinet*), иногда,—какъ знакъ вещей духовныхъ (*signum rerum spiritualium*) ¹³⁾ и т. п. Въ одномъ мѣстѣ Августинъ какъ будто бы только и считаетъ таинствомъ одинъ внѣшній знакъ безъ самой благодати: «*Sacrificium visibile invisibilis sacrificii sacramentum, id est sacrum signum est*» ¹⁴⁾.

1) August De doctr. christ. III, 9. In Ioan tract. 15, 8.

2) см. Hahn. стр 8

3) Ibidem.

4) August. De bono conjug. c. 18, 21; De civ. Dei XV, 49.

5) Contra Faust. lib. XII, c. 33; Lib. XIX, c. II.

6) Expos. ad. Gal. 19; Enarr. in PS. 143, 2; Tract. adv Iud 3 и др.

7) Serm. ad Caesar. eccles plebem 3.

8) De adrn. Christ. 22; Enchir. 28; De eot rud c. 27, 53.

9) Ep. 23, 4 Contra Faust. Petil. Lib. II c. 104.

10) De civ Dei. X. c. 5.

12) Ep. 23, 4.

11) Contra Faust. XIX c 16.

13) Ep. 138, 7.

14) De civ. Dei. X. c. 5

На это выраженіе любили ссылаться протестанты въ цѣляхъ защиты своего ученія о таинствахъ, какъ о знакахъ благодати, а не орудіяхъ спасенія. Но, это мѣсто, нужно думать, простая случайность у Августина. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ онъ ясно даетъ понять, что подъ покровомъ видимаго и внѣшняго въ таинствахъ онъ усматриваетъ еще другую сторону таинствъ, невидимую и духовную.

Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ ясно говоритъ, что не всякій знакъ есть таинство, но только такіе знаки, которые касаются божескихъ вещей («*de varietate signorum, quae ad res divinas pertinent sacramenta appellantur*»¹⁾), и въ другомъ мѣстѣ: «*Sacramenta signacula quidem rerum divinarum esse visibilia, sed res ipsas invisibiles in eis honorari*»²⁾. И эти стороны таинства, видимая и невидимая, нераздѣльны въ немъ. «Поэтому то, братіе, говоритъ Августинъ въ рѣчи къ народу, то и называется таинствами (*sacramenta*), потому что иное въ нихъ видится, иное подразумевается (*aliud viderum, aliud intelligitur*)»³⁾, и только тогда, собственно, и происходитъ таинство, когда обѣ эти стороны соединяются въ одинъ нераздѣльный актъ: «*accedit verbum ad elementum et fit sacramentum*»⁴⁾. И взаимоотношеніе этихъ сторонъ должно быть такъ тѣсно, что одна должна быть отображеніемъ другой; какъ духовная сторона должна какъ бы проглядывать въ чувственномъ образѣ, такъ и чувственный знакъ долженъ заключать въ себѣ нѣкоторое внутреннее сходство съ существомъ тѣхъ вещей, которыхъ онъ служитъ знакомъ. И эту черту Августина считаетъ на столько существенной, что «если бы таинства не были подобіемъ тѣхъ вещей, которыхъ они суть таинства, то они совсѣмъ не были бы таинствами»⁵⁾. Далѣе Августинъ прибавляетъ, какое значеніе имѣетъ та и другая сторона таинства для принимающаго ихъ вѣрующаго: «что видится, говоритъ онъ въ рѣчи къ народу, то имѣетъ видъ тѣлесный, а что подразумевается.—плодь духовный»⁶⁾.

Что касается теперь того, признавалъ ли Августинъ, какъ необходимый, существенный признакъ таинства—богоустановленность ихъ, то относительно этого существуютъ разногласія въ мнѣніяхъ богослововъ. Многие ученые Запада (даже католики

¹⁾ Ep. 138, 7.

²⁾ De cat rud 50

³⁾ Serm. 272.

⁴⁾ Ioann. Ev. fract. 80.

⁵⁾ Serm. 272.

⁶⁾ Ibid.

Schvane) ¹⁾ полагали, что не только въ вѣкъ Августина, но и во весь патристическій періодъ не сложилось прочнаго на этотъ счетъ мнѣнія. Но противъ этого, кажется, ясно говорятъ слѣдующія мѣста: «самою Божественною мудростію ... были установлены спасительнѣишія таинства» ²⁾; «прежде всего хочу удержать тебя на томъ мнѣніи, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ, какъ и Самъ—Онъ говоритъ въ Евангеліи, составилъ общество народа своего многими таинствами» ³⁾. Изъ этихъ мѣстъ ясно слѣдуетъ, что, по ученію Августина, новозавѣтныя таинства установлены Самимъ Богомъ. Впрочемъ, этотъ признакъ (богоустановленныхъ таинствъ) въ богословскомъ міровоззрѣніи Августина не получилъ еще надлежащей устойчивости. Въ томъ же, только что цитированномъ сочиненіи, и въ той же главѣ Августинъ замѣчаетъ, что и ветхозавѣтныя таинства установлены самимъ Богомъ.

Но во всякомъ случаѣ, изъ этихъ мѣстъ и изъ предыдущихъ опредѣленій «таинства можно замѣтить, что Августинъ раздвоился или даже растроился въ пониманіи таинства и допускалъ троякаго рода ихъ опредѣленіе: 1) таинство въ общемъ или самомъ обширномъ значеніи этого слова. Въ этомъ смыслѣ таинство есть знакъ священной, духовной вещи; 2) таинство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, какъ знакъ, Богомъ установленный и имѣющій духовно-спасительный плодъ; и 3) таинство, какъ, специально установленное Христомъ, средство для усвоенія вѣрующими спасительной благодати.

Какъ видимый знакъ священной вещи, таинство въ обширномъ смыслѣ составляетъ принадлежность каждой религіи «Ни въ какую религію, истинную, или ложную, люди не могутъ иначе соединяться, какъ только посредствомъ какихъ либо знаковъ или таинствъ, собираясь въ сообщество» ⁴⁾; или: «для того необходимы таинства, чтобы народамъ проповѣдывались и изъ (народовъ) выдѣлялись сообщества людей» ⁵⁾.—Какъ знаки, установленные Самимъ Богомъ, таинства въ болѣе тѣсномъ смыслѣ принадлежатъ только религіямъ богооткровеннымъ, (ветхозавѣтной іудейской и новозавѣтной христіанской) Отъ таинствъ религіи естественныхъ они отличаются тѣмъ, что они являются

¹⁾ Dogmengeschichte 2 ч. 229 S.

²⁾ De vera rel. XVII гл.

³⁾ Ер., 51, 1.

⁴⁾ Contra Faust. lib. XIX, с. II.

⁵⁾ Fragm. ex Serm. ostav. Paschaе 4 г V. р. 1062. Сравн. tr. 80 Ev. Ioann.

дѣйствительными средствами сообщенія спасительной силы Божіей.

Но и въ богооткровенныхъ религіяхъ, хотя таинства и установлены однимъ Богомъ, тѣмъ не менѣе они различны и по своему внѣшнему виду и по внутреннему значенію. И это, говоритъ Августинъ, не должно смущать вѣрующіихъ: «ибо что такое таинства, какъ не нѣкоторыя, какъ бы видимыя слова, хотя и освященныя, но тѣмъ не менѣе временныя и измѣняемыя ¹⁾. «И возможно ли, на томъ основаніи, что нашъ народъ имѣеть не тѣ же самыя таинства, какія имѣли и имѣють Іудеи, сказать, что не одинъ и тотъ же справедливѣйшій Отецъ приказалъ одно для однихъ и другое для другихъ» ²⁾.

Сообразно этому взгляду Августинъ раздѣлялъ всѣ таинства на два класса: на таинства ветхозавѣтныя и таинства новозавѣтныя. Тѣ и другія онъ называлъ разными именами; ветхозавѣтныя: *Sacramenta prima, S. vetera, S. veteris testamenti, S. Librorum veterum, S. Legis, S. profetica, S. prioris populi, S. Iudeorum* и пр.; новозавѣтныя: *Sacramenta nova, S. novi testamenti, S. Christi* и пр.; къ первымъ причисляются: обрѣзаніе, жертвы, разнаго рода очищенія, соблюденіе предписаній относительно пищи, различные праздники, суббота, новомѣсячіе и пр. ³⁾; ко вторымъ: крещеніе, причащеніе и пр. ⁴⁾.

Августинъ проводитъ между тѣми и другими существенное различіе.) Въ то время какъ таинства ветхозавѣтныя провозвѣщали спасеніе только въ будущемъ, христіанскія дають его рѣ настоящимъ ⁵⁾; 2) Сообразно этому и образъ ветхозавѣтныхъ таинствъ имѣлъ только темный, неясный, гадательный характеръ; таинства же христіанскія имѣють ясный и опредѣленный видъ спасительныхъ орудій ⁶⁾; 3) Какъ только гадательные обряды, лишь въ неопредѣленныхъ и смутныхъ образахъ предвозвѣщавшіе будущее, таинства вѣтхозавѣтныя, естественно, были малопонятны для современниковъ. Только рѣдкіе, особо просвѣщенные люди (какъ, напр., Моисей, Ааронъ), могли постигать въ спасительный смыслъ и получать чрезъ нихъ плодъ

1) *Contra Faust* XIX, 11 12.

2) Трудъ К. Д. Акъ Объ истинной религіи XVII, стр 29

3) *Expos. ad Galat* 19; *Enarr. in Psalm.* 143. 2; *De cat rud.* 35 *Tract. adv Iud* 3; *Contr Faust. lib. XIX*; с 21, 36 *De spirit. et litt.*

4) *Contr Faust lib. XVIII*, с. 14; *De bapt. c. Don. lib V*, с. 20.

5) *c. litt Pet lib II*, 87.

6) *Epist* 54, 1; *De doct. chr. lib. III*, с. 9 13 и др.

духовный. Что же касается массы ветхозавѣтнаго общества, она лишь рабски исполняла внѣшнія формы своихъ таинствъ, не понимая ихъ внутренняго значенія ¹⁾. Слѣдствіемъ такого отношенія къ таинствамъ ветхозавѣтныхъ людей было то, что они (таинства) порождали только страхъ и ужасъ ²⁾ и приводили къ духовному рабству ³⁾, не сообщая благодати спасенія: послѣдняя имъ только «обѣщалась», но не давалась ⁴⁾. Христіанскія же таинства, возвѣщая вѣдѣть извѣстный фактъ совершенія искупленія, и, будучи сообщаемы въ ясныхъ для всѣхъ образахъ, могутъ быть всѣми понимаемы и тому, кто принимаетъ ихъ, даютъ въ настоящее же время благодать спасенія, а не обѣщаютъ ее только въ будущемъ. Поэтому таинства нерѣдко называются: «*virtute majora*» ⁵⁾, «*utilitate meliora*» ⁶⁾, и проч.

Но будучи отличны отъ новозавѣтныхъ по внѣшней формѣ и по внѣшнему отношенію къ предмету, ими выражаемому, таинства ветхозавѣтныя всетаки не настолько отличны отъ первыхъ, чтобы имѣть свой особый предметъ. На это Августинъ старается обратить особенное вниманіе. «Въ ошибку, говоритъ онъ, впадаютъ тѣ, которые думаютъ, что съ переменной таинствъ перемѣнились и самые предметы, которые обрядъ пророческій предвозвѣщаль, какъ только обѣщанные, а обрядъ евангельскій предвозвѣщаетъ, какъ исполненные» ⁷⁾; или въ другомъ мѣстѣ: перемѣнились знаки, которыми нѣчто обозначалось, но не самый предметъ, который ими обозначался ⁸⁾.

Августинъ держится оригинальнаго взгляда на ветхозавѣтныя таинства. По нему, они такъ же, какъ и новозавѣтныя, могли имѣть спасительное значеніе если только правильное совершеніе ихъ соединилось съ правильнымъ пониманіемъ ихъ. Если же, въ дѣйствительности, они этого значенія не имѣли, то не потому, что они въ основаніи своемъ не были спасительными учрежденіями, но въ силу особаго состоянія еврейскаго народа, который настолько погрязъ въ чувственности, что совсѣмъ почти не могъ возвышаться до ихъ духовнаго пониманія и пользоваться отъ нихъ спасеніемъ. Лучшіе же изъ ветхозавѣтныхъ людей, которые въ состояніи были возвыситься до истиннаго усвоенія духа обрядовъ, удостоивались и въ несовершенномъ

¹⁾ De cat. rud. 35.

²⁾ Expos. epist. ad Galat. 19.

³⁾ ibidem.

⁴⁾ Enarr. in Ps. L. XXX. 2.

⁵⁾ Contr. Faust. XIX c. 13.

⁶⁾ In Ps. LXXII, 2.

⁷⁾ De cat. rud. 35.

⁸⁾ De doctr. christ. lib. III c. 9, 13.

ветхомъ Завѣтѣ получать плоды спасенія» ¹⁾. «Таковыми были, говоритъ Августинъ, патріархи и всѣ пророки Израильскаго народа, чрезъ которыхъ Духъ Святой далъ намъ помощь и утѣшеніе» ²⁾.

Но какъ не спасительны были сами по себѣ ветхозавѣтныя таинства, они имѣли только временную пользу: «*Sacramenta pro-
cunt aliquid, si temporis congruant*» ³⁾, т. е. таинства приносятъ пользу, пока соотвѣтствуютъ времени. Какъ только прекращается это соотвѣтствіе, перестаетъ имѣть значеніе и таинство. Соотвѣтствіе же времени можетъ прекратиться по двумъ причинамъ: или вслѣдствіе перемѣны отношенія обозначаемого знакомъ предмета къ человѣку, или вслѣдствіе перемѣны духовнаго состоянія самого человѣка. Та и другая перемѣна и произошла, дѣйствительно, съ появленіемъ христіанства. На этомъ основаніи тѣ таинства, которыя указываютъ на спасеніе чрезъ Христа, только какъ на имѣющій совершиться актъ въ будущемъ, потеряли свое значеніе, какъ только этотъ актъ фактически совершился въ настоящемъ. «Таинства, которыя соблюдались и совершались по закону предвозвѣщающему, принадлежали Христу грядущему; поэтому, когда Христосъ ихъ исполнилъ, они были отмѣнены и совершенно уничтожены, и потому, именно, уничтожены, что исполнены» ⁴⁾.

Съ другой стороны съ появленіемъ христіанства измѣнилось самое состояніе человѣка, принимающаго таинства. Онъ изъ рабства закону и обрядности вступилъ въ царство свободы и изъ раба сдѣлался свободнымъ сыномъ Божиимъ. Естественно, теперь должны перемѣниться и внѣшнія средства полученія благодати. Дѣйствительно, съ появленіемъ христіанства многія таинства были совсѣмъ отмѣнены, а другія, какъ, напр., таинство брака, перемѣнило свою форму и значеніе ⁵⁾. Но какъ ветхозавѣтныя таинства имѣли преходящій временный характеръ, такъ и новозавѣтныя таинства имѣютъ не вѣчное значеніе. Послѣднее простирается только на эту земную жизнь,—пока человѣкъ находится въ этомъ грѣховномъ тѣлѣ и не достигъ еще царства слова. Но лишь только человѣкъ разстанется съ этой

¹⁾ De cat. rud. 35

²⁾ De doct. christ. lib. III, c. 9, 13

³⁾ Expos. epist. ad Galat. 19

⁴⁾ Contra Faust. lib. XIX, c. 13, еще. *ibidem* c. 16.

⁵⁾ De bono conjug. c. 18, 21.

земной жизнью и войдетъ въ полное владѣнiе Христовой благодати и истиной, тогда уже не нужно будетъ ему никакихъ внѣшнихъ посредствъ этой благодати и истины. Онъ встрѣтитъ ихъ тогда лицомъ къ лицу. Августинъ сравниваетъ такое временное значенiе ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ таинствъ съ лѣкарственными повязками, которыя врачъ кладетъ на больныя тѣла. Какъ повязки эти имѣютъ только временное значенiе для тѣла до тѣхъ поръ, пока оно не выздоровѣетъ, послѣ чего тѣ снимаются, такъ и внѣшнiя средства спасенiя, таинства, со временемъ потеряютъ свое значенiе и будутъ отмѣнены. Это будетъ тогда, когда мы сдѣлаемся равными ангеламъ и достигнемъ Иерусалима небеснаго ¹⁾. Иногда Августинъ дѣлаетъ даже попытки путемъ чисто схоластическихъ разсужденiй показать необходимость перемѣны таинствъ. Онъ сравниваетъ таинство со словомъ, которое мѣняетъ свою форму для выраженiя только имѣющихъ еще совершиться событiй и уже совершившихся. напр.; *facturus* и *factus passurus* и *passus*, *resurrecturus* и *resurrexit*.

Сколько и какiя именно таинства утверждены были христіанствомъ,—Августинъ не даетъ на это прямого и подробнаго отвѣта. Выше было замѣчено, что и христіанскiя таинства Августинъ понимаетъ, по видимому, очень широко. Въ кругъ ихъ онъ включаетъ какъ обширный классъ христіанскихъ обрядовъ, такъ и много христіанскихъ теоретическихъ истинъ. Но съ другой стороны, сравнивая число новозавѣтныхъ таинствъ съ числомъ ветхозавѣтныхъ, онъ замѣчаетъ, что «Господь нашъ Иисусъ Христосъ связалъ насъ бременемъ легкимъ сравнительно съ ветхимъ завѣтомъ и удобоносимымъ, и составилъ общество народа своего *немногими* таинствами» ²⁾; и въ другомъ мѣстѣ: «въ ветхомъ завѣтѣ челоуѣчество... было связано многими таинствами. Когда же явилась благодать, то самую Божественную мудростью, по воспрiятiю ея челоуѣка, были установлены *немногiя* спасительнѣйшiя таинства» ³⁾. На основанiи этихъ мѣстъ можно заключить, что Августинъ, если и называлъ всю массу христіанскихъ обрядовъ таинствами, то въ смыслѣ несобственномъ и изъ всей массы христіанскихъ священно-дѣйствiй выдѣлялъ по ихъ важности «немногiя спасительнѣйшiя». Это видно, кромѣ выше приведенныхъ, между прочимъ и изъ слѣдующаго мѣста. Въ 218 своей рѣчи къ народу Августинъ, при объясненiи 34 ст. XIX гл. ев. **Иоанна**, гдѣ гово-

¹⁾ Enarr. in Ps. 146, 8.

²⁾ Ер. 54, 1.

³⁾ Труды К. Д. А. гл. XVII, стр. 29.

рится, что изъ прободеннаго ребра Спасителя потекла кровь и вода, останавливаетъ особенное вниманіе на этихъ двухъ предметахъ и замѣчаетъ, что они предзнаменовали собой два особенно существенныхъ таинства христіанскихъ (крещеніе и причащеніе). «которыми образуется Церковь» ¹⁾. На основаніи этого мѣста можно даже внести нѣкоторый новый признакъ въ понятіе таинства въ отличіе его отъ обряда и сдѣлать такое его опредѣленіе: таинство есть такое священно-дѣйствіе, которое, будучи установлено Христомъ, имѣетъ существенное отношеніе къ устройству Церкви и чрезъ нее сообщаетъ благодать.

Но какія именно священнодѣйствія причислялъ Августинъ къ такимъ существенно важнымъ таинствамъ Церкви, на это, какъ мы уже отмѣтили, у него нѣтъ опредѣленнаго отвѣта. Многіе изъ протестантскихъ богослововъ, пользуясь этою недоговоренностью, и утверждаютъ, что въ міровоззрѣніи Августина кругъ таинствъ ограничивается только двумя, именно: крещеніемъ и причащеніемъ ²⁾. Другіе считаютъ возможнымъ присоединить сюда и третье: миропомазаніе ³⁾. Относительно послѣдняго, дѣйствительно, не можетъ быть сомнѣній; у Августина это таинство очень ясно, по своей важности, ставится на ряду съ крещеніемъ: «въ ряду священнодѣйствій, говоритъ Августинъ, оно такое же святѣйшее, какъ и крещеніе» ⁴⁾. Но Августиновскій кругъ таинствъ въ собственномъ смыслѣ можно расширить и дальше.

Такъ, у Августина въ одинъ рядъ съ крещеніемъ нерѣдко ставится и священство; напр.: «то и другое суть таинства (т. е. крещеніе и священство), посредствомъ нѣ котораго освященія человѣку дается одно, когда онъ крещается, другое—когда посвящается» ⁵⁾. О бракѣ Августинъ замѣчаетъ: «въ нашемъ бракѣ болѣе имѣетъ силы святость таинства, нежели плодородіе матери» ⁶⁾. Въ Церкви предлагается не только союзъ брачный, но и таинство» ⁷⁾.

Не менѣе ясно Августинъ говоритъ и о покаяніи, какъ о таинствѣ, выясняя его дѣйствіе по сравненію съ таинствомъ крещенія: «Если отсутствуетъ священникъ, какое это несчастіе для тѣхъ, которые исходятъ изъ жизни не возрожденными (т. е.

¹⁾ Ср. In Ps. 308. 14.

²⁾ Дорнеръ, Штеицъ и др.

³⁾ Ганъ (Hahn), Бауръ и др.

⁴⁾ С. litt. Pet. II, 239.

⁵⁾ С. epist. Parm. II с. 13, 28.

⁶⁾ De bono conjug. с. 18, 21.

⁷⁾ De genes. ad litt. IX. с. 7.

въ крещеніи) и связанными (т. е. не полученными отпущенія грѣховъ). Если же священникъ есть, всѣмъ подается **помощь**, кому чрезъ крещеніе, кому чрезъ примиреніе (т. е. съ Богомъ въ таинствѣ покаянія ¹⁾). «Если оглашенный совершилъ убійство—въ крещеніи омывается; если—крестившійся (т. е. совершить убійство)—покаяніемъ и примиреніемъ исцѣляется ²⁾».

При установленіи понятія таинства вообще, какъ мы замѣтили, Августинъ различалъ въ немъ двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю. Это же онъ дѣлаетъ и въ таинствахъ христіанскихъ. Внѣшнюю сторону, или собственно самый символъ таинства онъ называетъ *Signum sacramenti*, внутреннюю сторону—*res sacramenti*. Первая обозначается имъ какъ сторона «тѣлесная и видимая» ³⁾, вторая какъ «духовная и невидимая» ⁴⁾, первая—какъ временная и преходящая, послѣдняя—какъ вѣчная и непреходящая ⁵⁾.

Подробнаго ученія о внѣшней сторонѣ таинства Августинъ не оставилъ. Но нужно полагать, что онъ предупредилъ позднѣйшее схоластическое дѣленіе внѣшняго знака на такъ называемую матерію и форму таинства. Такъ же, какъ и схоластики, онъ различалъ въ каждомъ таинствѣ: «слово» (или словесную формулу) и элементъ (*elementum et verbum*).

«*Detrahe verbum et quid est aqua, nisi aqua. Accedit verbum ad elementum et fit sacramentum* ⁶⁾».

Въ отношеніи къ тому и другому Августинъ требовалъ, чтобы точно по существу соблюдались предписанныя Церковію слова.

На этомъ основаніи, между прочимъ, Августинъ признавалъ дѣйствительнымъ крещеніе всѣхъ тѣхъ еретиковъ, которые правильно вѣровали въ догматъ Троичности Божества и не искажали православной формулы Евангельской.. «во имя Отца, и Сына и св. Духа ⁷⁾».

Но на этомъ же основаніи онъ отрицалъ крещеніе Павликианъ, которые крестили не во имя св. Троицы ⁸⁾.

Болѣе подробно разработалъ Августинъ вопросъ о внутренней сторонѣ таинства. Ученіе его въ этомъ случаѣ слаталось подъ двумя главными теченіями его мыслей: изъ несогласія его

¹⁾ De cont. acul. 1, 2 с. 16, n—16.

²⁾ Cf. de agono chris. с. 31.

⁴⁾ De cat. rud. 50. De civ. Dei lib. X. с. 5.

⁵⁾ Contra Faust. XIX, 16.

⁶⁾ Ioann. tract. 80, 3.

³⁾ Serm. ad pop. 292.

с. 5. Serm. 227.

⁷⁾ De bapt. VI, 25.

⁸⁾ De bapt. V, 25, 47 и др.

съ мнѣніями по этому поводу Донатистовъ съ одной стороны и въ связи съ общими его взглядами на Церковь какъ необходимый институтъ универсальнаго спасенія на землѣ съ другой.

Раскольники-донатисты, выходя изъ того общаго крайняго взгляда, что святая Церковь должна состоять изъ лицъ только однихъ святыхъ, утверждали, что и средства ея благодати—таинства церковныя,—чтобы подавать дѣйствительное освященіе, должны быть сообщаемы только людьми безгрѣшными, никакимъ порокомъ себя не запятнавшими, т. е. святыми ¹⁾. А отсюда всѣ таинства, которыя совершаются не только открытыми еретиками внѣ Церкви, но и всякими явными грѣшниками внутри ея, не должны быть признаваемы за дѣйствительныя благодатныя средства и по возможности должны быть повторяемы надъ принявшими таковыя. Словомъ донатисты приходили къ тому выводу, что какъ святость Церкви всецѣло обуславливается только субъективною святостью всѣхъ отдѣльныхъ ея членовъ, такъ и священный характеръ таинствъ ея всецѣло зависитъ отъ тѣхъ или иныхъ субъективныхъ нравственныхъ свойствъ совершающихъ и принимающихъ ихъ, а не отъ внѣшней какой-либо благодатной силы. «Кто, говорилъ Петиліанъ, получаетъ вѣру отъ невѣрнаго, не вѣру получаетъ, но новую вину» ²⁾.

Выходя совершенно изъ другихъ метафизическихъ предположѣній, по которымъ сама субъективная святость совершенно не мыслима безъ предположенія благодати Божіей, Августинъ совершенно напротивъ доказывалъ, что святость таинства всецѣмъ не зависитъ отъ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ лицъ: «помни, что таинствамъ Божіимъ нисколько не вредятъ нравы злыхъ людей» ³⁾. «Иуда» и Петръ съ одинаковымъ значеніемъ, раздавали крещеніе (какъ злымъ, такъ и добрымъ)» ⁴⁾.

Не человѣку, а Богу принадлежитъ таинство. А «Если же Богъ одинаково присутствуетъ при таинствахъ и словахъ Своихъ, то черезъ кого бы они не совершались, они всегда остаются правильные, а злые люди вездѣ низпровержены» ⁵⁾. «Ибо кто такой совершите ль, какъ не простой служитель (minister) и лишь непрямой посредникъ таинственной благодати» ⁶⁾? «Даже самыя тупыя и тѣ понимаютъ, что крещеніе никакимъ злонравіемъ

¹⁾ Contr. litt. Pet. L. III.

²⁾ Ibid.

³⁾ Unit. ecclesiae c. 21; c. litt. Pet. II, c. 47.

⁴⁾ Bapt. VI, c. 25, 47; c. 36, 70.

⁵⁾ Bapt V, 27.

⁶⁾ Serm.

человѣка, ни дающаго, ни принимающаго не можетъ быть нарушено» ¹⁾, «даже человѣкоубійцы—ненавистники братьевъ своихъ и тѣ могутъ давать дѣйствительныя таинства» ²⁾).

Но разсуждая такъ, Августинъ приходилъ къ той трудности, какъ согласить съ этимъ ученіе о необходимости внѣшняго института спасенія,—Церкви. Если таинства всецѣло зависятъ отъ Бога и остаются по своей святости дѣйствительными и тогда, если совершитель и грѣшенъ, то вѣдь въ числѣ грѣховъ можетъ случиться и то, что совершитель таинства перейдетъ въ какую-нибудь ересь или расколъ.

Если признать, что и тогда онъ одинаково можетъ сообщить святое таинство, то выходитъ какъ будто, что и Церковь не нужна для спасенія и можно спастись безъ Церкви. Но противъ этого особенно вооружался Августинъ. Хотя таинства и принадлежатъ Богу и независимы отъ отдѣльнаго лица, но это не значитъ, что они не зависятъ отъ Церкви. Напротивъ. Богъ далъ ихъ Церкви, хотя при этомъ не каждому члену ея въ отдѣльности, но всему этому учрежденію въ его цѣлости, какъ коллективно универсальному институту спасенія на землѣ. Кто не принадлежитъ этому институту, или тѣлу Христову, тотъ и не имѣетъ никакой части со Христомъ. «Самого-же спасенія и жизни вѣчной никто не достигнетъ, если не имѣетъ главою Христа».

Имѣть же главою Христа никто не возможетъ, если кто не былъ въ тѣлѣ Его, которое есть Церковь» ³⁾. И если у Августина нерѣдко называются таинства таинствами Божиими или Христовыми, то эти выраженія нужно понимать въ томъ смыслѣ, что они принадлежатъ Богу, по Богу или, точнѣе. Духу Божию, дѣйствующему въ Церкви.

Въ зависимости отъ связи съ Церковью, учить бл. Августинъ, могутъ получать таинства ⁴⁾ и нѣкоторые еретики (тѣ, которые еще не совсѣмъ отринули всѣ установленія Церкви, но точно исполняютъ нѣкоторыя ея формулы. Но они владѣютъ этими таинствами непопозволеннымъ,—какъ будто воровскимъ образомъ, а потому и это сокровище идетъ имъ, (какъ ворами украденное добро) не въ пользу, а во вредъ,—не на спасеніе, а на погибель. «Внѣ единенія кто собираетъ, не со Христомъ соби-

¹⁾ Bapt. VI, 1

²⁾ De bapt. V, c. 20, 28.

³⁾ Unit. eccl. c. 19, 49.

⁴⁾ Впрочемъ не всѣ таинства, а только два: крещеніе и священство.

раетъ»¹⁾. Но отъ этой участи не избавлены равнымъ образомъ и тѣ, которые, находясь, по видимости, внутри Церкви, не соблюдаютъ, однако, ея завѣтовъ согласія, мира и любви. «Всѣ таинства Христовы безъ любви и единенія со Христомъ ведутъ не ко спасенію, а къ осужденію»²⁾. И только тѣмъ, которые живутъ внутри церковнаго единенія и дѣятельно проводятъ въ жизни основныя идеи Духа Христова, или которые въ безсиліи ищутъ этого Духа, только этимъ спасительныя таинства даютъ дѣйствительную благодать и жизнь вѣчную.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ донатистами Августинъ пришелъ къ тому выводу, что таинства обладаютъ какой-то объективной святостью, которая не зависитъ отъ нравственнаго состоянія совершающаго и принимающаго ея чловѣка, но всегда прибываетъ на послѣднемъ, разъ только соблюдена надъ нимъ ритуальная правильность внѣшней формы таинства. Съ другой стороны, изъ ученія о Церкви Августинъ выводилъ, что самое дѣйствіе этой объективной святости (спасительное или неспасительное) зависитъ всецѣло отъ внутренняго расположенія субъекта, ея принимающаго, въ зависимости именно отъ того, насколько онъ склоненъ признавать авторитетъ Церкви и проводить въ жизни нравственные принципы ея.—Словомъ, выходятъ, и во внутренней сторонѣ таинства нужно различать, по Августину, двоякую его проявляемость: внѣшнюю (если такъ можно выразиться)—объективную и внутренне-субъективную.

Что это за внѣшняя объективность во внутренней сторонѣ таинства, хорошенько Августинъ не выясняетъ. Нужно полагать, что это есть общая божественная сила таинства, качественно неопредѣленная по своей сущности, но всецѣло получающая свое содержаніе отъ внутренняго состоянія ея принимающаго, и сообразно съ этимъ дѣйствующая.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій Августинъ сравниваетъ дѣйствіе таинства со словомъ Божіимъ, сила котораго остается одна и та же, но можетъ радикально различно дѣйствовать на разныхъ людей, на однихъ—спасительно, на другихъ—осудительно.

По всей вѣроятности, допуская такое сравненіе, онъ разумѣлъ именно эту объективную святость таинства. Тогда не трудно замѣтить, что эта объективность является тождественной съ тѣмъ, что на современномъ богословскомъ языкѣ назы-

1) С. litt. Pet. III, с. 5.

2) С. litt. Pet. III, с. 40.

вается дѣйствительностью таинства въ отличіе отъ его дѣйственности.

По своему началу дѣйствія объективности, (такъ же, какъ и дѣйствительность) совпадаетъ съ произнесеніемъ формулы таинства и всегда является на лицо, разъ только соблюдены всѣ условія его ритуальной правильности ¹⁾.

Объективность безусловно необходима для спасенія. Тамъ, гдѣ нѣтъ дѣйствительности, не можетъ быть и спасительной дѣйственности ²⁾, а одна только погибель и осужденіе ³⁾.

Начинаясь вмѣстѣ съ внѣшнимъ принятіемъ таинства (и именно съ произнесенія его формулы), сила эта не прекращаетъ своего дѣйствія и послѣ окончанія процесса его, и потомъ въ теченіи жизни можетъ различно дѣйствовать на людей, смотря по различному нравственному поведенію ихъ послѣ принятія таинства ⁴⁾. Такъ, можетъ случиться, что принимающій таинство сначала даетъ искренніе обѣты хранить заветы Христа и Церкви и потому удостоивается спасенія, потомъ отступаетъ отъ заповѣди любви и таинство служить ему въ погибель и осужденіе ⁵⁾.

Но можетъ случиться и наоборотъ: принявшій сначала таинство безъ расположенія къ вѣрѣ и потому подпавшій осужденію, можетъ потомъ обратиться къ ней и стать участникомъ вѣчнаго спасенія.

Ясно и опредѣленно объ этой объективности Августинъ училъ главнымъ образомъ въ приложеніи къ крещенію и священству. Въ этихъ таинствахъ объективность сообщается неизгладимо разъ на всю жизнь, и поэтому эти таинства не повторяемы ⁶⁾. Это свойство неизгладимости и неповторяемости таинствъ крещенія и священства называется у Августина священно-таинственнымъ характеромъ ихъ ⁷⁾ и даетъ имъ право быть дѣйствительнымъ у нѣкоторыхъ еретиковъ ⁸⁾.

Но простая объективность существуетъ и въ другихъ таинствахъ, напр., въ бракѣ (въ его нерасторжимости) ⁹⁾, въ причащеніи и покаяніи (въ ихъ возможности дѣйствовать какъ

1) De bapt. VI, 25. 47.

2) Pess. mer. 1, 24.

3) Ep. Parm. lib. II.

4) Bapt. VI, 1.

5) Bapt. I, 1; C. ep. Parm. II. c. 13. 28..

6) De bono conjug. 6, 7. De nupt. et conc. I, c. 10.

4) De bapt. c. Don. lib III. 14, 19.

5) De bapt. c. Don. lib. VI, c. 26.

6) C. ep. Parm. lib. II, c. 12, 28.

во спасеніе, такъ и въ осужденіе ихъ принимающихъ) ¹⁾ и особенно въ мѣропомазаніи. Послѣднее Августинъ снабжаетъ перѣдко и характеромъ неизгладимости, какъ крещеніе и священство ²⁾.

Отъ объективнаго характера или просто отъ объективности внутренней стороны таинства, нужно отличать, по Августину, внутреннюю дѣйственность его ко спасенію, такъ называемую «res sacramenti», въ собственномъ смыслѣ. Въ чемъ состоитъ эта дѣйственность, или res sacramenti, ближе опредѣляется каждымъ таинствомъ въ отдѣльности. Каждое таинство имѣетъ свое благодатное дѣйствіе. Но, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій Августинъ пытается найти общую сторону проявленія этой дѣйственности, одинаковую для всѣхъ таинствъ, и находитъ проявляемость ея въ двухъ формахъ: въ такъ наз. «gratia» таинствъ и «virtus» его. Gratia—та сторона спасительнаго дѣйствія, по которой таинство есть даръ божественной благодати, даваемой человѣку туне, безъ всякихъ заслугъ, сверхъ его естественныхъ силъ. Virtus—то этическое его свойство, которое производитъ ужъ эта gratia въ нравственномъ перерожденіи человѣка, въ направленіи его отъ зла къ добру. Ближе, впрочемъ, эти gratia и virtus въ нѣкоторыхъ таинствахъ мы постараемся опредѣлить въ частномъ обзорѣніи ихъ, къ которому мы сейчасъ и приступаемъ.

Таинство Крещенія. Таинство крещенія было главнымъ пунктомъ въ полемикѣ Бл. Августина съ донатистами по вопросу о таинствахъ. Бл. Августинъ настаивалъ на независимости таинства крещенія отъ достоинства отдѣльныхъ лицъ. Таинство крещенія, по ученію Бл. Августина, дѣйствительно какъ въ томъ случаѣ, если оно совершается внутри Церкви надъ недостойнымъ человѣкомъ или недостойнымъ священникомъ, такъ даже и въ томъ, когда оно совершается въ еретическомъ обществѣ, лишь бы только совершалось правильно, т. е. въ три погруженія во имя Отца, и Сына и Св. Духа.

«И неразумные», говоритъ онъ, «понимають, что крещеніе Христово никакимъ злонаравіемъ, ни дающаго, ни принимающаго не можетъ быть нарушено» ³⁾. «Если спросятъ, крещеніе есть ли только въ одной Церкви, а у еретиковъ и схизматиковъ

1) См. ниже объ этихъ таинствахъ.

2) Sermo de cataclismo с. 1, 2.

3) Bapt. VI, 1.

его нѣтъ, то я отвѣчаю со всею Церковью. что я такъ не вѣрую» ¹⁾).

Не человекъ совершаетъ таинство, а Богъ присутствующій всегда при словахъ Своихъ и таинствахъ. «Если же Богъ присутствуетъ при таинствахъ и словахъ Своихъ, черезъ кого-бы они не совершались, то и таинства правильны и злые люди вездѣ низпровержены» ²⁾. Поэтому-то Церковь, доказываетъ свою мысль Бл. Августиномъ, и не креститъ вновь возвращающихся въ Церковь изъ еретичества ³⁾.

Это объективное, никогда неповторяемое, но вѣчно имѣющее силу дѣйствіе заключается въ особомъ character'ѣ т. е. крещенія. Таинство крещенія, правильно совершенное, налагаетъ при всѣхъ обстоятельствахъ на крещаемого нѣкоторую, никогда неизгладимую печать сакраментальной святости, сообщаетъ одну характерную (character) черту независимо отъ достоинства принимающаго крещеніе, черту, которая никогда не можетъ быть отнята. Черезъ эту печать крещаемый включается въ стадо Христово ⁴⁾.

Дать болѣе точное опредѣленіе character'a Бл. Августина не находить возможнымъ.

Character, по Бл. Августину, необходимое условіе спасенія: кто не имѣетъ, остается погибшимъ ⁵⁾.

Только въ исключительныхъ случаяхъ этотъ character можетъ сообщаться чрезъ страстное желаніе принять крещеніе (разбойникъ на крестѣ) или чрезъ крещеніе кровію ⁶⁾. Такъ понимаемая объективная дѣйствительность крещенія, по мнѣнію бл. Августина, нисколько не подрываетъ ученія о Церкви, какъ единственномъ спасительномъ учрежденіи. Если таинство крещенія дѣйствительно и виѣ Церкви, то это не значить, что оно не составляетъ собственности Церкви. Богъ далъ его въ исключительную собственность Церкви и она одна владѣетъ имъ законнымъ образомъ, еретики же—какъ похищеннымъ и незаконно присвоеннымъ добромъ: «Законное крещеніе не законно они (еретики) имѣютъ» ⁷⁾. «Ясно, что еретики могутъ давать крещеніе, такъ-какъ, когда они отступаютъ отъ Церкви, удерживаютъ то крещеніе, которое тамъ получили» ⁸⁾

1) Bapt. c. Don. VI, 37.

2) Bapt. V, 27.

3) Bapt. IV. c. 10, 16.

4) B. conjug. c. 24; Bapt. V, 21; Epist. 173; Bapt. VI, 1.

5) Rec. mer. I, 24

7) Bapt. V c. 7; c—8; c—16.

6) Bapt. VI. c. 22—24.

8) Bapt. VII, c. 29; Epist. 105.

Поэтому-то у еретиковъ таинства и недостигають своей цѣли: объективно-дѣйствительныя таинства у еретиковъ не могутъ имѣть благодатной дѣйственности. Только въ Церкви таинство бываетъ дѣйственно, только въ ней оно сообщаетъ, необходимую для осуществленія спасенія, благодать и какъ *gratia*, и какъ *virtus* (т. е. благодать оставленія грѣха и благодать перерожденія человѣка). «Благодать (*munus*) крещенія подается противъ первороднаго грѣха, такъ что то, что привлечено рожденіемъ, совлекается возрожденіемъ; точно такъ-же и дѣятельные (*activa*) грѣхи, совершенные словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, уничтожаются...; откуда происходитъ обновленіе человѣка, въ которомъ снимается всякая вина» ¹⁾.

Для еретиковъ же незаконно присвоившихъ себѣ таинство крещенія, оно не только не сообщаетъ *gratia* и *virtus*, но напротивъ служить имъ на погибель ²⁾. Но если крещенный въ ереси обращается къ Церкви, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ надежду, что таинство, совершенное надъ нимъ незаконнымъ образомъ, пріобрѣтаетъ теперь благодатную дѣйственность. «Еретики должны придти въ Церковь, чтобы крещеніе, которое по причинѣ раздора причиняло имъ внѣ Церкви смерть, теперь, по причинѣ мира внутри, приноситъ имъ спасеніе ³⁾. Наоборотъ, если крещенный внутри Церкви, отступить отъ Нея или онъ принадлежитъ къ Церкви только внѣшнимъ образомъ, благодать крещенія является потерянной. Такимъ образомъ ясно, что спасительная дѣйственность крещенія не привязана къ моменту совершенія. Если и можно получить по свидѣтельству вѣры и любви прощеніе грѣховъ въ моментъ крещенія, то все же осуществленіе спасительнаго значенія таинства возможно только при условіи пребыванія въ Церкви,—и это потому, что только въ ней пребываетъ Св. Духъ и въ ней одной совершается спасеніе.—Повидимому, изъ того положенія, что спасительность таинства крещенія не пріурочена къ моменту совершенія, бл. Августинъ дѣлаетъ исключеніе для дѣтей, такъ что въ этомъ случаѣ можно приписывать бл. Августину ученіе объ *opus operatum* таинства. Бл. Августинъ, вѣрный своему ученію о наслѣдственности грѣха и ученію о Церкви, какъ единственномъ спасительномъ учрежденіи, высказываетъ въ безусловной формѣ мысль, что некрещенные дѣти погибають, такъ какъ у нихъ въ

¹⁾ *Enchirid.* с. 61.

²⁾ *Vart.* 1, с. 12.

³⁾ *Vart.* 1, с. 12; II; 1; III, 13; VI, 5.

силу ихъ безсознательности, не можетъ быть желанія принять крещеніе и, слѣд., возможности замѣнить его.

Крещенные же получаютъ очищеніе грѣховъ и освященіе ¹⁾. Впрочемъ, нѣкоторыя условія дѣйственности крещенія у дѣтей, по бл. Августину, не позволяютъ видѣть здѣсь чистое *opus operatum*: крещаемыя дѣти, если и немогутъ сами вѣровать. го за ихъ вѣру ручаются ихъ воспріемники ²⁾.

Вѣра воспріемника заступаетъ, такъ сказать, вѣру воспрінимаемаго. «Если дѣти, говоритъ бл. Августинъ, признаются вѣрными ради того, что они исповѣдуютъ вѣру чрезъ слова воспріемниковъ, то почему они не считаются раскаивающимися также прежде, чѣмъ они наставляются отрицаться діавола и вѣка сего» ³⁾. Какое значеніе имѣетъ при крещеніи дѣтей вѣра воспріемниковъ, ясно говорятъ слова Августина, что невѣрующаго съ младенцемъ онъ послалъ бы назадъ. Но съ другой стороны. бл. Августинъ думаетъ. повидимому, что у дѣтей само таинство восполняетъ недостатокъ вѣры и замѣняетъ еѣ: какъ у разбойника, говоритъ онъ, которому не доставало крещенія, благочестіе его чрезъ всемогущество воли Бога могло замѣнить ему это таинство, такъ и у дѣтей, которые еще не могутъ вѣровать, бываетъ обратный случай, и не смотря на то, что они своимъ плачемъ и крикомъ заглушаютъ слова таинства, всетаки оно производитъ въ нихъ свое полное дѣйствіе ⁴⁾.

Высказанная здѣсь мысль, очевидно, имѣетъ смыслъ только при допущеніи дѣйственности крещенія въ самый моментъ его совершенія. Но бл. Августинъ говоритъ не менѣе ясно и о томъ, что благодатная дѣйственность крещенія имѣетъ силу только до тѣхъ поръ, пока крещеный въ дѣтствѣ идетъ по правому пути, въ противоположномъ случаѣ благодать крещенія отнимается ⁵⁾.

Такимъ образомъ, сущность ученія бл. Августина объ отношеніи объективной дѣйствительности къ дѣйственности въ таинствѣ крещенія сводится къ слѣдующему, имъ же высказанному положенію: «иное быть таинствомъ крещенія, иное—ображеніемъ сердца», т. е. для спасенія необходимы условія двойной святости: святости сакраментальной (сакраментальный характеръ), подаваемой чрезъ троекратное погруженіе въ воду, во

¹⁾ Варт. с. Don. IV, 23.

⁴⁾ Варт. с. Don. IV, 23.

²⁾ Ресс. мер. 1, с.—19, с.—20.

⁵⁾ Варт, IV, 24.

³⁾ Ресс. 1, 33; Ресс. orig. 45.

имя Лицъ Св. Троицы и святости этической, подаваемой крещеніемъ непосредственнымъ вдохновеніемъ отъ Духа Святаго. Сакраментальная святость подается и внѣ Церкви, но имѣеть цѣну только внутри Церкви; этическая святость подается только въ Церкви.

Такимъ образомъ, необходимыя для спасенія сакраментальная и этическая святость только въ Церкви объединяются и, слѣд., таинство только въ Церкви приносить свой плодъ, а внѣ Церкви—гибель, такъ-какъ включеніе въ Церковь (черезъ сакраментальный характеръ) требуетъ отъ крещенаго быть послушнымъ сыномъ Церкви, чего онъ не можетъ, однако, выполнить, находясь внѣ Церкви и поэтому подвергается осужденію.

ТАИНСТВО МИРОПОМАЗАНІЯ. Благодатное дѣйствіе т. миропомазанія состоитъ, по Бл. Августину, въ сообщеніи принявшему крещеніе ¹⁾ даровъ Духа Святого: «Духовное помазаніе есть самъ Духъ Святой, таинство Котораго сообщается чрезъ видимое помазаніе» ²⁾. Какъ объективно благодатное средство, т. миропомазанія независимо въ своемъ дѣйствіи отъ достоинствъ совершающаго его лица: «какимъ образомъ воду очищаетъ и освящаетъ челоуѣкоубійца, какимъ образомъ нечестіе (*tenebrae*) благословляетъ масло? Если Богъ присутствуетъ при таинствахъ и словахъ Своихъ, чрезъ кого бы они не совершались,—таинства Божія всегда правильны» ³⁾. Независимое отъ совершающаго его священника, таинство миропомазанія, что касается его сакраментальнаго дѣйствія (*character*), независимо и отъ приную сакраментальную святость (*character Sacramentabis*). «Sacramentum chrismatis подобно крещенію, есть святѣйшее *in genere visibilium Signicolorum*; но дѣйствуетъ и на самыхъ нечестивыхъ (*pessimis*), проводящихъ жизнь въ плотскихъ дѣлахъ и не имѣющихъ надежды на небесное царствіе» ⁴⁾.

Сакраментальная святость т. миропомазанія, какъ и т. крещенія, не изгладима (*character indelebilis*). Потому-то, какъ и послѣднее, оно не повторяется, даже и въ томъ случаѣ, если кто возвращается въ лоно Церкви изъ ереси ⁵⁾.

¹⁾ De trinit. Dei 1, 15. с. 25, 46.

²⁾ In ep. Ioann. tract. 3, 5.

³⁾ De bapt. V, с. 20.

⁴⁾ Con. litt. Petilian. I, 2, 239.

⁵⁾ С. litt. Petilian. II, 104, 239.

Всегда дѣйствительное въ Церкви таинство муропомазанія, однако, дѣйственно только для «добрыхъ», т. е. добрыхъ въ нравственномъ смыслѣ и добрыхъ по вѣрѣ: «различай, говорить Бл. Августинъ объ этомъ таинствѣ, видимое таинство, которое можетъ быть и на добрыхъ и на злыхъ, отъ невидимаго дѣйствія благодати; которая подается только добрымъ ¹⁾».

ТАИНСВО ПРИЧАЩЕНІЯ. По мнѣнію протестантскихъ богослововъ, Бл. Августинъ понимаетъ это таинство съ одной стороны какъ таинство единенія съ тѣломъ Христовымъ—Церковью, съ другой, какъ жертву, которую Церковь, а въ частности священникъ приноситъ Богу отъ лица Церкви. Основная мысль Августина,—что внѣ Церкви не возможно спасеніе, естественно, выдвинула на первый планъ ту сторону Евхаристіи, по которой она является средствомъ единенія каждаго отдѣльнаго вѣрующаго съ цѣлымъ церковнымъ организмомъ. Для предубѣжденныхъ противъ ученія о пресуществленіи протестантскихъ богослововъ понятно заслоняется другая сторона ученія Бл. Августина объ Евхаристіи, по которой принимающій это таинство сподобляется вкушенія истиннаго тѣла и истинной крови Христовой. Между тѣмъ Бл. Августинъ училъ не только объ единеніи вѣрующихъ черезъ таинство Евхаристіи, но и вкушеніи ими истиннаго Тѣла и Крови Христовыхъ Церковь, по ученію Бл. Августина, есть тѣло Хрстово. Соединяющійся со Христомъ, естественно, соединяется съ Его тѣломъ,—Церковію; вкушающій истиннаго тѣла и истинной крови Христовыхъ чрезъ это входитъ въ единеніе съ Церковью, становится тѣломъ Христа, т. е., членомъ Церковнаго организма. Эта мысль, а не иная выражается во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Бл. Августинъ учитъ объ Евхаристіи, какъ таинствѣ единенія съ Церковью. Единеніе съ тѣломъ Христа—Церковію—въ силу вкушенія истиннаго тѣла и истинной крови Христовыхъ и нужно разумѣть тамъ, гдѣ Бл. Августинъ говоритъ, что пить кровь и ѣсть тѣло Христа значить быть въ единеніи съ Церковью. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ сочиненій Бл. Августина, которыя для протестантскихъ богослововъ служатъ доказательствомъ въ пользу того предположенія, что Бл. Августинъ не признавалъ пресуществленія хлѣба и вина.

«Самое доброе дѣло, (virtus) какое здѣсь заключается (въ Евхаристіи), говоритъ Бл. Августинъ, есть единеніе, чтобы мы,

¹⁾ С. litt. Petilian. I. 2, 104.

соединившись въ тѣло Его, сдѣлались членами Его, на самомъ дѣлѣ были тѣмъ, что мы воспринимаемъ» ¹⁾).

Здѣсь человѣка вѣрующаго въ пресуществленіе особенно могутъ смутить послѣднія слова: «на самомъ дѣлѣ были тѣмъ, что мы воспринимаемъ». Мы вѣруемъ, что воспринимаемъ въ Евхаристіи Самого Христа, между тѣмъ Православная Церковь не учитъ насъ, что мы чрезъ Евхаристію «бываемъ тѣмъ, что воспринимаемъ».

Это затрудненіе, однако, не такъ велико, чтобы какъ это мѣсто, такъ и подобныя ему, какихъ у Августина много, говорило противъ пресуществленія. Кажется, нѣтъ никакихъ основаній противъ пониманія этого мѣста въ слѣдующемъ смыслѣ: въ т. Евхаристіи мы воспринимаемъ истинное тѣло и истинную кровь Христа, соединяемся со Христомъ, и чрезъ это—становимся его тѣломъ, не тѣмъ тѣломъ, какое приносится въ Евхаристіи, а тѣломъ въ смыслѣ метафорическомъ, т. е. вступаетъ въ единеніе съ Церковью,—тѣломъ Христа.

Впрочемъ, возможно и другое объясненіе разсматриваемаго мѣста. Не нужно забывать, что Бл. Августинъ учитъ объ Евхаристіи не только какъ вкушеніи истиннаго тѣла и истинной крови Христовыхъ, но и какъ единеніи съ тѣломъ Христовымъ, въ смыслѣ Церкви. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ быть тѣмъ, что мы воспринимаемъ, значитъ входить черезъ Евхаристію въ такое тѣсное единеніе съ организмомъ Церковнымъ, въ какомъ зерна пшеницы и содержимое ягодъ заключается въ хлѣбъ и винѣ. Хлѣбъ и вино въ этомъ случаѣ берутся не въ таинственномъ своемъ значеніи тѣла и крови Христовыхъ, а въ значеніи хлѣба и вина естественныхъ: вѣдь въ Евхаристіи, какъ и во всякомъ таинствѣ, помимо невидимой стороны, есть и видимая. Не болѣе того, что Августинъ говоритъ въ приведенномъ мѣстѣ, онъ говоритъ и въ слѣдующемъ: «кто находится въ единеніи съ тѣломъ Его, т. е. съ цѣлымъ обществомъ христіанъ, какового тѣла таинство вѣрный принимаетъ отъ алтаря, тотъ самъ долженъ сказать, что онъ ѣсть тѣло Христова и пьетъ кровь Его» ²⁾). Здѣсь Бл. Августинъ утверждаетъ не болѣе, какъ только необходимую связь между единеніемъ съ Церковнымъ организмомъ и вкушеніемъ истиннаго тѣла и истинной крови Христовыхъ. Одно безъ другого не можетъ существовать: сказать, что человѣкъ принадлежитъ къ Церкви,

¹⁾ Serm. 57.

²⁾ Civ. XXI, 20.

значитъ утверждать, что онъ вкушаетъ тѣла и крови Христо-выхъ; и наоборотъ: кто соединяется со Христомъ въ Евхари-стїи, о томъ слѣдуетъ говорить, что онъ входитъ въ единеніе съ Церковью. Понимать приведенныя мѣста и подобныя имъ въ такомъ именно смыслѣ даютъ основаніе несомнѣнныя мысли о пресуществленіи, какія высказываетъ Бл. Августинъ. Таковы, напр.: «ты знаешь, что ты ѣшь и что пьешь, и при томъ, кого ѣшь и кого пьешь» ¹⁾, или: «Христосъ приносился въ рукахъ Своихъ, когда, предлагая тѣло Свое, сказалъ: это есть тѣло Мое» ²⁾ и проч.

Таинство причащенія, по ученію Бл. Августина, не есть только таинство единенія со Христомъ и Церковью, но и *sacrificium corporis Christi*. Хотя Христосъ и однажды принесъ Себя въ жертву ³⁾ и нельзя собственно сказать, что «Христосъ ежедневно приносится», тѣмъ не менѣе явившееся на Голгофѣ жертвоприношеніе и «теперь приносится христіанами по всему земному шару и исполняется то, что задолго до этого событія возвѣщено пророками о Христѣ ⁴⁾. Какъ и въ голгофской жертвѣ, въ жертвѣ Евхаристической приносится въ жертву тѣло Христа: «тѣло Его приносится въ жертву» ⁵⁾. Хотя приносимая здѣсь жертва и совершается «священниками по чину Мелхиседекову» ⁶⁾. Но и здѣсь Христосъ Самъ является и жертвеннымъ агнцемъ ⁷⁾ и священникомъ: «жертва вездѣ приносится надъ священникомъ Христомъ. вмѣстѣ съ этимъ умиловительнымъ значеніемъ жертвы Евхаристической Бл. Августинъ указываетъ и другое: она является жертвой не только вѣрныхъ, но и отъ вѣрныхъ: «жертву мира, жертву любви, жертву тѣла Своего (т. е. Церкви) знаютъ вѣрные» ⁸⁾.

Умиловительное значеніе Евхаристической жертвы простирается не только на живыхъ, но и умершихъ: «не должно отрицать, что души умершихъ получаютъ облегченіе по благочестію живущихъ, когда за нихъ приносится жертва» ⁹⁾. «Молитвами св. Церкви и спасительнымъ жертвоприношеніемъ, безъ сомнѣнія, можно помогать мертвымъ» ¹⁰⁾.

Если по ученію Бл. Августина таинство причащенія есть та-

1) Serm. IX, с. 10, 14

2) Psalm. 33. Serm. I, 10

3) Ep. 98, 9.

4) Civ. XV, 22

5) Civ. XVII, 20.

6) Civ. XVIII, 35.

7) Confess. X 43.

8) Ps. 21, Enarr. II, 28.

9) Conf. IX, 13. Enchir. 110.

10) Serm 112, 2.

инство единенія со Христомъ и Церковью. само собою слѣдуетъ, что дѣйствительнымъ оно можетъ быть только для принадлежащихъ къ Церкви: единеніе съ Церковью предполагаетъ принадлежать къ ней: не принадлежа къ ней, какъ мы уже видѣли, нельзя быть и со Христомъ ¹⁾. Понятіе о Церкви, какъ единственномъ спасительномъ учрежденіи. находить, такимъ образомъ, еще новое подтвержденіе въ ученіи о т. Евхаристіи.

Но, какъ мы видѣли, Бл. Августинъ въ таинствахъ видитъ объективныя средства благодати. Этотъ его взглядъ находить себѣ выраженіе въ ученіи объ объективной дѣйствительности таинства.

Въ таинствѣ крещенія и миропомазанія объективная дѣйствительность дѣлается ясной при допущеніи character'a таинства. Между тѣмъ въ Евхаристіи такого character'a, по ученію Августина, мы не видимъ. Поэтому вопросъ объ объективной дѣйствительности этого таинства становится труднымъ. Въ чемъ она заключается? Что касается еретиковъ, то таинство причащенія дѣйствительнымъ у нихъ быть не можетъ, такъ какъ оно внѣ Церкви не можетъ дать единенія со Христомъ и Его тѣломъ.— Церковью тѣмъ не менѣе Августинъ всетаки хочетъ и въ этомъ случаѣ, хотя отчасти, сохранить ученіе объ объективности таинства: «знакъ, утверждаетъ онъ, самъ по себѣ святъ, но какъ святой знакъ, оскверненный еретиками, онъ ведетъ ихъ къ гибели» ²⁾. Такимъ образомъ, объективная дѣйствительность таинства внѣ Церкви выражается только въ осужденіи совершающихъ его. Съ положительной стороны т. причащенія внѣ Церкви ничего не даетъ.

Объективная дѣйствительность таинства внутри Церкви проявляется, по Августину, въ томъ, что оно остается таинствомъ и само по себѣ, ничего не теряетъ въ своемъ дѣйствіи даже и въ томъ случаѣ, если оно—совершается недостойнымъ или принимается грѣшникомъ. Въ послѣднемъ случаѣ таинство, не сообщая причащающемуся благодатнаго дѣйствія, служитъ ему въ осужденіе.

Такимъ образомъ, въ таинствѣ причащенія не только дѣйственность, но и дѣйствительность его имѣютъ мѣсто только въ Церкви, что объясняется отсутствіемъ въ немъ character'a.

1) «Не пребываютъ во Христѣ, кто не суть Его члены, т. е. которые не суть въ Церкви». Civ. Dei. XXI, 20.

2) Ad Don. post. C., 27.; Serm. 272.

• ТАИНСТВО ПОКАЯНІЯ. Таинство покаянія ¹⁾, по Бл. Августину, состоитъ въ томъ, что пастырь Церкви, силою Св. Духа, разрѣшаетъ кающагося и исповѣдывающагося во всѣхъ своихъ грѣхахъ христіанина отъ всѣхъ грѣховъ, совершенныхъ имъ послѣ крещенія. Одного внутренняго покаянія,—состоящаго, по Августину, въ сокрушеніи сердечномъ, сознаниіи своей вины передъ Богомъ ²⁾, моленіи о прощеніи грѣховъ и намѣреніи исправить жизнь ³⁾,—не достаточно для полученія прощенія грѣховъ. Необходимо еще исповѣданіе грѣховъ, какъ знакъ внутренняго покаяннаго настроенія: «что вы боитесь исповѣдей?... Если ты, какъ грѣшникъ, не раскаявшись хочешь остаться скрытымъ, то ты уже явно осужденъ. Ты боишься исповѣдываться, хотя ты чрезъ молчаніе не можешь укрыться; ты или осужденъ, хотя, еслибъ исповѣдывался, могъ быть спасенъ» ⁴⁾.

Съ исповѣданіемъ грѣховъ должно обращаться къ священнику, «Грѣшникъ, говоритъ бл. Августинъ сознавъ свои грѣхи, долженъ пойти къ предстоятелямъ («печальникамъ»), въ распоряженіи которыхъ находятся ключи Церкви... и получить отъ нихъ «соотвѣтствующую мѣру запрещенія» ⁵⁾.

Отъ священниковъ человѣкъ уходитъ освобожденнымъ отъ грѣховной тяготы и нравственно оздоровленнымъ, черезъ что для него становится возможнымъ воссоединеніе съ Богомъ. «Если отсутствуетъ священникъ, какое это несчастье для тѣхъ, которые изъ жизни исходятъ не возрожденными (т. е. въ крещеніи) и связанными (т. е. не получившими отпущенія грѣховъ...). Если же священникъ есть, всѣмъ подается помощь кому чрезъ крещеніе, кому чрезъ примиреніе (т. е. съ Богомъ въ т. покаяніи) ⁶⁾; «если оглашенный совершитъ убійство—въ крещеніи оmyвается; если крестившійся совершилъ убійство, покаяніемъ и примиреніемъ исцѣляется ⁷⁾. Только при условіи разрѣшенія грѣховъ священникомъ, въ силу власти данной ему самимъ Иисусомъ Христомъ, возможно прощеніе грѣховъ: «когда ты слышишь, что человѣкъ приноситъ раскаяніе во грѣхахъ своихъ, онъ уже ожилъ; когда ты слышишь, что человѣкъ въ исповѣди дѣлаетъ признанія, онъ уже выведенъ изъ могилы

1) Ennar. in Ps. 17, 33.

2) Ennar in Ps. 146, 6.

3) Enarr. in Ps. 67, 31.

4) Ps. 95, 1.

5) Serm. de poenit. 351, 2.

6) De con. adul. 1. 2, c. 16, 16.

7) Cf. de agono chris. c. 31.

(сопоставленіе воскресшаго Лазаря съ исповѣдающимъ грѣхи свои), но еще не получилъ разрѣшенія. Когда-же разрѣшается и къмъ разрѣшается? «Что разрѣшено на землѣ, будетъ разрѣшено и на небеси—сказалъ Христосъ. Черезъ Церковь можно получить разрѣшене грѣховъ» ¹⁾.

Отпущеніе грѣховъ чрезъ священника совершаетъ самъ Духъ Святой» ²⁾. Потому-то и нѣтъ такого грѣха, котораго священникъ не могъ отпустить ³⁾. Что-же касается грѣховъ смертныхъ, разрѣшеніе которыхъ, по словамъ Христа, не возможно, то, по Бл. Августину, они состоятъ въ упорной и сознательной нераскаянности, чѣмъ исключается и самая возможность сокрушенія сердечнаго, а слѣдовательно, и покаянія ⁴⁾. По вопросу объ объективной дѣйствительности таинства, т. е. независимости его дѣйствія отъ достоинства отдѣльныхъ лицъ, у Бл. Августина находимъ только указанія о независимости его отъ личнаго достоинства совершающаго. Таинство покаянія не теряетъ ничего въ своемъ дѣйствіи, если совершается «чрезъ клирика» *malum, reprobum et fictum*, «*Sed tamen catholicum*» ⁵⁾.

Другая сторона вопроса объ объективности т. покаянія, т. е. въ отношеніи его объективнаго дѣйствія къ достоинству принимающаго, Бл. Августиномъ не раскрыта.

Основная его точка зрѣнія на таинства, какъ на объективныя средства благодати, требуетъ, чтобы т. покаяніе не осталось безъ дѣйствія и на недостойнаго, притворно кающагося Христіанина.

Однако, въ чемъ состоитъ это дѣйствіе, Бл. Августинъ не раскрылъ. Остается замѣтнымъ дѣйствіе т. покаянія только съ отрицательной стороны, т. е. какъ оно вмѣнено во грѣхъ для тѣхъ, кто недостойно приступаетъ къ нему. Условіями благодатной дѣйственности покаянія является, по Бл. Августину, сокрушеніе сердечное и принадлежность къ Церкви. На послѣднѣе условіе Бл. Августинъ, соответственно основной своей точки зрѣнія на Церковь, считаетъ нужнымъ указывать всякій разъ, какъ только касается вопроса о прощеніи грѣховъ ⁶⁾.

Таинство Священства.—Въ ученіи о таинствѣ священства Бл. Августинъ на первый планъ выдвигаетъ его character.

¹⁾ In Ps. 101, Enarr. 2, 3.

²⁾ Serm. 71, 37.

³⁾ Serm. 71, 37.

⁴⁾ Serm. 352, 9; Ep. 98 al 48; Serm. 71, 37.

⁵⁾ Ep. 93, 48; Serm. 352, 9.

⁶⁾ Serm. 71, 37.

Какъ крещеніе и миропомазаніе, т. священства, независимо отъ достоинства принимающаго, сообщаетъ ему особую сакраментальную святость. Какъ и въ крещеніи и миропомазаніи, эта печать сакраментальной святости никогда не теряется ¹⁾. «Нѣтъ никакой причины, почему тотъ, кто не можетъ потерять самого крещенія, можетъ потерять право на совершеніе его. Ибо то и другое есть таинство, и то и другое сообщаетъ человѣку нѣкоторое освященіе: одно когда совершается крещеніе, другое—когда поставляется. Поэтому въ Церкви каеволической то и другое не можетъ повторяться» ²⁾. «Если мы несправедливо это утверждаемъ, пусть они (несогласные съ неизгладимостью сакраментальной святости священства) сами объяснятъ: какимъ образомъ таинство крещенія нельзя потерять, а таинство священства можно: ибо они говорятъ: «отступающій отъ Церкви не теряетъ крещенія, право-же его совершенія—теряетъ. «Ибо если то и другое—таинства, въ чемъ никто не сомнѣвается, почему одно не теряется, а другое теряется? Не должно дѣлать ущерба (injuria) не одному таинству» ³⁾. Сакраментальная святость рукоположеннаго выдѣляетъ его изъ среды мірянъ, дѣлаетъ его священникомъ Бога въ собственномъ смыслѣ.

Объясняя слова писанія: «будутъ всѣ священниками Бога», Бл. Августинъ говоритъ: «это сказано не только объ епископахъ и пресвитерахъ, которые въ собственномъ смыслѣ (proprie) называются священниками, всѣ (называются) священниками, но, какъ всѣ называются помазанниками въ силу таинственного помазанія, такъ и всѣ называются священниками, какъ члены одного Священника» ⁴⁾. Какъ священникамъ въ собственномъ смыслѣ слова имъ однимъ только принадлежитъ право низведенія благодати Божіей въ таинствахъ ⁵⁾. Только въ исключительныхъ случаяхъ (necessitate) мірянинъ можетъ совершать крещеніе, при чемъ онъ «нисколько или простительно согрѣшаетъ (nullum aut veniale delictum est)».

Вопреки Киприану, который требовалъ для дѣйственности священства и нравственной святости священника («Oportet enim

¹⁾ Bapt. I, 1.

²⁾ С. ер. Parm. I, 13, 28.

³⁾ С. ер. Parm. II, 13, 30.

⁴⁾ Civ. XX, 10.

⁵⁾ Serm. 227; Serm 137, 78.

Sacerdotes... integros et immaculatos esse») ¹⁾. Бл. Августинъ считалъ достаточной одной сакраментальной святости, но при условіи, чтобы священникъ находился въ единеніи съ Церковью. Въ противномъ случаѣ, т. е. въ случаѣ, если священникъ не принадлежитъ къ Церкви, его священство перестаетъ быть дѣйствительнымъ, оставаясь въ то же время сакраментально святымъ. Такъ признавая за священникомъ нравственно недостойнымъ право на разрѣшеніе кающагося, онъ требуетъ, чтобы священникъ былъ «catholicus» т. е. принадлежалъ бы къ Церкви ²⁾. Это положеніе о дѣйственности священства только въ Церкви вытекаетъ изъ его ученія о таинствахъ, какъ собственности Церкви.

Если таинства составляютъ исключительную собственность Церкви, а священники—единственные совершители таинствъ,—то, естественно, полученная ими благодать священства дѣйствительна только на пользу самой Церкви, т. е. въ самой Церкви.

Повидимому, этому противорѣчатъ приведенныя выше цитаты о правѣ отступившаго отъ Церкви священника совершать таинство крещенія. Но здѣсь очевидно, рѣчь идетъ объ отступленникахъ тайныхъ, не отсѣченныхъ церковною властію отъ единенія Церковнаго.

Если-бы Бл. Августинъ признавалъ за священниками, находящимися внѣ Церкви, благодатную силу на совершеніе священнодѣйствій, то не имѣло бы смысла его требованія для дѣйствительности т. покаянія, чтобы оно совершалось чрезъ священника, хотя бы и «*reprobum*» и «*fictum*», *sed tamen catholicum*.

Таинство Брака. Въ т. брака по ученію Бл. Августина, брачующимся подается особая благодать, освящающая ихъ брачный союзъ. Эту мысль Бл. Августинъ высказываетъ, сопоставляя нехристіанскій и христіанскій браки. Первый—простой союзъ для рожденія дѣтей; второй—освященный благодатью союзъ не только тѣлъ, но и душъ. Эта благодать освящаетъ брачный союзъ подобно тому, какъ освящаетъ человѣка въ извѣстныхъ отношеніяхъ благодать крещенія и священства: «*beneficium* брака во всѣ времена и у всѣхъ людей состоитъ въ рожденіи дѣтей и супружеской вѣрности; что касается народа Божія, то (состоитъ) и въ святости таинства, почему является преступнымъ, если удалившаяся (жена) вслѣдствіе отверженія (супругомъ) выходитъ за другого, пока живъ ея мужъ... подобно тому, какъ если бываетъ постановленіе клира къ имѣ-

¹⁾ Ep. 72 ad Steph

²⁾ Serm. 71, 34.

ющей образоваться общинѣ, то, хотя образованіе общины и не послѣдовало, однако на рукоположенныхъ остается таинство священства, и если вслѣдствіе какой вины (рукоположенный) устраняется отъ исполненія обязанностей, однако не тинается таинства Господа, хотя и подлежитъ осужденію»¹⁾.

«Дѣйствіе этого таинства заключается въ томъ, что мужъ и жена, соединенные бракомъ, нераздѣльно пребываютъ пока жить... Остается между живущими нѣкоторое брачное соединеніе, которое не можетъ уничтожиться ни раздѣленіемъ, ни сожителемъ съ другимъ... подобно тому, какъ душа отступника, отступающая отъ союза со Христомъ, даже при потерѣ вѣры, не теряетъ таинства вѣры, которое получила въ купели возрожденія»²⁾. — Подаваемая въ бракъ благодать никогда не оставляетъ супруговъ, даже и въ томъ случаѣ, если святость брака нарушится прелюбодѣяніемъ. Поэтому расторгеніе брака, объявленіе его дѣйствительнымъ не во власти супруговъ и равносильно прелюбодѣянію: «кто мы, что-бы сказать: «кто, оставивши жену и приведя другую,—прелюбодѣйствуетъ, а кто, сдѣлавъ это—не прелюбодѣйствуетъ, когда Евангеліе говоритъ, что всякій прелюбодѣйствуетъ, кто такъ поступаетъ»³⁾? Женщина не можетъ сдѣлаться женою второго мужа, если не перестанетъ быть женою перваго. Перестать же быть женою можетъ въ томъ случаѣ, если умереть ея мужъ, но не въ томъ, если она прелюбодѣйствуетъ.

Позволительно по причинѣ прелюбодѣянія удалиться отъ супруга, но союзъ остается въ силѣ; въ силу чего повиненъ въ прелюбодѣянніи, кто приведетъ отпущенную по причинѣ прелюбодѣянія (мужа) жену⁴⁾. Всѣ эти мѣста католики приводятъ въ подтвержденіе своей теоріи о нерасторжимости брачнаго союза даже въ случаѣ прелюбодѣянія. На самомъ же дѣлѣ здѣсь говорится только о томъ, что супруги по своей волѣ не могутъ расторгнуть брачнаго союза, но принадлежитъ ли или ~~не~~ принадлежитъ Церкви власть расторгенія брака—объ этомъ ~~здѣсь~~ ничего не говорится.

В. Вликовъ.

¹⁾ De bono conjug. C. 24, 32.

²⁾ De nupt. et concup. I. 1, c. 10.

³⁾ De adult. con. I 1, c. 9.

⁴⁾ De adult con 1 2 c. 4.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**